

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.049-062

И. Я. Козаченко*,
Д. Н. Сергеев**

Уголовная ответственность в конфликтологическом дискурсе¹

Аннотация. В статье рассматривается история уголовного права и уголовной ответственности в конфликтологическом дискурсе. На основе идей правового плюрализма авторы исследуют трансформацию уголовно-правового механизма решения конфликтов от древнейших времен до настоящего времени. Рассматриваются дошедшие до нашего времени обычаи изгнания, кровной мести, примирения кровников, а также ряд других обычаев Амазонии и Северной Америки. Обосновывается, что такие обычаи сохраняются до настоящего времени вследствие выраженной компенсаторной направленности. Оцениваются истоки ритуализации процедур разрешения конфликтов в древнем обществе. Рассматриваются обстоятельства исчезновения фигуры потерпевшего из покаянного права, а также заимствование светским правом религиозного концепта ответственности не перед потерпевшим, а перед сюзереном.

Авторы отмечают, что многие поколения юристов формировали свое профессиональное сознание под воздействием непререкаемого официального штампа: за совершенное преступление виновный должен нести уголовную ответственность не перед тем, кому причинил вред (ущерб), а перед государством, которое не в малой мере порой повинно в том, что не смогло обеспечить потерпевшему условия безопасной жизни. Мало кто сомневался, что приведенный постулат является единственно верным. Данный пример живучести древних уголовно-правовых обычаев демонстрирует интерес общества к альтернативным способам решения уголовно-правовых конфликтов. Авторы делают вывод о естественности правового плюрализма для уголовно-правовой сферы в силу выраженной компенсаторной тенденции в восприятии обществом уголовной ответственности. Проникновение компенсаторных элементов в современное уголовное право оценивается как позитивная и единственно возможная тенденция дальнейшего развития уголовного права.

Ключевые слова: конфликт; примирение; правовой плюрализм; потерпевший от преступления; покаянное право; уголовный закон; уголовная ответственность.

Для цитирования: Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Уголовная ответственность в конфликтологическом дискурсе // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 9. — С. 49—62. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.049-062.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14028. В основу статьи положен авторский главный доклад XVII Конференции «Ковалевские чтения», прошедшей в г. Екатеринбурге 13—14 февраля 2020 г.

© Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н., 2020

* Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
uglaw@yandex.ru

** Сергеев Данил Назипович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
dnse@mail.ru

Criminal Liability in Conflictological Discourse²

Ivan Ya. Kozachenko, Dr. Sci. (Law), Head of the Department of Criminal Law, Ural State Law University, Honored Scholar of the Russian Federation
ul. Komsomolskaya, d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620137
uglaw@yandex.ru

Danil N. Sergeev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Criminal Law, Ural State Law University
ul. Komsomolskaya, d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620137
dnse@mail.ru

Abstract. The paper deals with the history of criminal law and criminal liability in conflictological discourse. On the basis of ideas of legal pluralism, the authors investigate the transformation of the criminal and legal mechanism of conflict resolution from ancient times to the present. They study the customs of exile, blood vengeance, blood reconciliation, as well as a number of other customs of Amazonia and North America. The paper explains that such customs remain until now due to the expressed compensatory character and evaluates the origins of ritualization of conflict resolution procedures in ancient society. The authors examine the circumstances of the disappearance of the victim concept from repentant law, as well as the borrowing of the religious concept of responsibility not before the victim, but before the suzerain by secular law.

The authors note that many generations of lawyers have formed their professional consciousness under the influence of an indispensable formal cliché: for the committed crime the perpetrator must be held criminally liable not before the injured person, but before the State that is not in the least at times guilty of failing to provide the victim with a safe life. Few doubted that the postulate given is the only one true. This example of survivability of ancient criminal law customs demonstrates the interest of society in alternative ways of solving criminal law disputes. The authors conclude that legal pluralism is natural for the area of criminal law due to the expressed compensatory tendency in the society's perception of criminal liability. The penetration of compensatory elements into modern criminal law is assessed as a positive and only possible trend of further criminal law development.

Keywords: conflict; reconciliation; legal pluralism; victim of a crime; repentant law; criminal law; criminal liability.

Cite as: Kozachenko IYa., Sergeev DN. Ugolovnaya otvetstvennost v konfliktologicheskom diskurse [Criminal Liability in Conflictological Discourse]. *Lex russica*. 2020;73(9):49—62. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.049-062. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Бытие отдельного человека, определенной общности людей, человечества в целом не есть мягкая социальная ткань, протяженная в пространстве и во времени, а представляет собой тернистый путь, усеянный валунами препятствий, непредсказуемыми и опасными зигзагами жизненного вектора, природными катаклизмами и социальными конфликтами. В этой связи уместно заметить, что всякое социальное и межличностное движение и есть постоянное преодоление препятствий и разрешение конфликтов. В этом смысле социальный конфликт, очевидно, не может быть однозначно оценен как исключительно негативное явление. В ряде случаев польза конфликта может многократно

компенсировать его возможные вредные последствия.

Вот почему скорость социального движения зависит от глубины мудрости живущих в соответствующем историческом периоде людей, позволяющей отдельному человеку, обществу и государству в целом своевременно и эффективно преодолевать и разрешать конфликты любого масштаба и свойства. Если же подобное благо человечества отсутствует, трудность преодоления конфликта заведомо воспринимается как невозможность прийти к разумному консенсусу.

Прошедшие цивилизации, сменяя друг друга, в лице ярких представителей научной мысли (философы, просветители и другие ученые) вырабатывали и формулировали правила

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-14028. The paper is based on the author's key report of the 17th Conference "Kovalev Readings" held in Yekaterinburg on February 13-14, 2020.

житейского обихода, специфику социального общежития людей, обычаи международного общения государств и территорий, которые были нацелены на удержание современников от наиболее разрушительных, непоправимых по последствиям конфликтов, а также на преодоление их последствий. Человечеством аккумулярован значительный противоконфликтный инструментарий, который все же срабатывает не всегда и далеко не везде, а в совокупности предстает противоречивым хаосом несовместимых решений.

Например, М. М. Ковалевский описывает горский обычай: «С той же целью кабардинцы стараются похитить ребенка у обиженного рода; сделавшись, таким образом, насильно воспитателем одного из его членов, кабардинский убийца тем самым вступает с ним в отношения искусственного родства, при котором дальнейшая месть немислима»³. С точки зрения современного уголовного права перед нами совокупность убийства (ст. 105 УК РФ) и похищения несовершеннолетнего (п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ), тогда как в описанный период и в указанной социальной группе — один из способов решения серьезного конфликта.

Как видно из приведенного примера, уголовное право — одно из возможных средств решения конфликтов, выработанных человечеством. Между тем *конфликтологический дискурс* редко служит основой для оценки тех или иных форм проявления уголовной ответственности как в древнем, так и в современном обществе⁴. Однако очевидность возможности оценки преступления как опосредованного правовой нормой конфликта не требует каких-либо доказательств. Следуя научному жанру, можно привести лишь одно обоснование вышесказанному: преступление, как можно увидеть из его определения, свойственного подавляющему большинству уголовных юрисдикций, представляет собой нарушение действующего правопорядка. Само по себе такое нарушение

выражается в причинении ущерба, нанесении телесных повреждений и т.д. То есть каждое такое нарушение — конфликт как по форме, так и по содержанию. Уголовное право в связи с приведенным может быть оценено как **средство решения** такого конфликта. Конфликт нарушает баланс интересов его сторон, и, следуя часто встречающемуся в юридической литературе утверждению, присущая уголовному наказанию цель восстановления социальной справедливости возобновляет это нарушенное равновесие.

Имеются все основания утверждать, что конфликт органично, а значит, и необходимо заложен в природе и обществе изначально. Бесконфликтных моделей природного и социального развития не существует, так как любое развитие есть в своей физической основе конфликт, а способ его разрешения знаменует собой зарождение нового конфликта. Без конфликта или просто противоборства немислимо рождение и развитие природы и социума.

Напрашивается и другая закономерность: в цепи зависимостей и взаимопревращений конфликт первичен, так как, обозначив себя вовне, он так или иначе провоцирует свое разрешение. И если конфликт может быть результатом сознательной и неосознанной деятельности человека, то, будучи вторичным, способ устранения конфликта может быть порождением лишь сознательной деятельности человека. Именно поэтому и только поэтому конфликт легко обнаружить, но очень затруднительно его устранить, сгладить. Порой устранение или сглаживание конфликта в данных конкретных условиях может быть невозможно.

Любой конфликт содержателен, так как он всегда наполнен специфическими отношениями между конфликтующими сторонами. Эти отношения пронизаны противоположными свойствами, способными довести легкий конфликт до состояния тяжелой агрессии и непредсказуемого буйства физического насилия. Дозировка конфликтного накала зависит от многих

³ Ковалевский М. М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. СПб. : Брокгауз-Эфрон, 1911. С. 171.

⁴ Среди крупных работ, написанных с учетом методологических основ конфликтологии, нельзя не назвать статью Нильса Кристи «Конфликты как собственность» (*Christie N. Conflicts as Property // The British Journal of Criminology. 1977. Vol. 17. No 1. Pp. 1—15. DOI: 10.1093/oxfordjournals.bjc.a046783*). Пенитенциарную деятельность через призму конфликтологии исследовал А. П. Детков (*Детков А. П. Теоретические и методологические проблемы пенитенциарной конфликтологии. Екатеринбург : Издательство УрГЮУ, 2011*). С. В. Кудрявцев рассмотрел криминологическую взаимосвязь конфликтов и насильственной преступности, оценивая первые как причину последней (*Кудрявцев С. В. Конфликт и насильственное преступление. М. : Наука, 1991*).

обстоятельств, главными из которых можно назвать не только содержание конфликта, но и его структуру: предмет конфликта («яблоко раздора»); ценностно-мотивационную составляющую конфликтующих сторон; стороны конфликта; цену социальных затрат, порожденных конфликтом, и предполагаемые личностные и социальные дивиденды для конфликтующих сторон. Фактически выше нами была описана как раз типичная модель состава преступления, используемая в доктрине Германии, России и других государств. Данная структурно-содержательная модель конфликта (в уголовном преломлении — состава преступления) представляется универсальной, так как она в своей основе опирается на фундаменты трех главных житейских блоков: способы и приемы разрешения конфликта; причины конфликта; устранение причин, порождающих конфликт.

Существующие в обществе конфликты многообразны по содержательным компонентам (семейный, жилищный, национальный, расовый, этнический и т. д.), по динамической силе их протекания (взаимное недопонимание, расхождение во мнении, неприятие одной из конфликтующих сторон идеи другой стороны, разрешение конфликта с помощью применения физической силы и т.п.), по масштабности конфликтного поля и параметров его разрастания (например, конфликт межличностного, социального или межгосударственного характера). Каждый из этих конфликтов может иметь и в большинстве случаев имеет выраженную уголовную природу, поскольку оценивается как преступный. В этом смысле уголовное право выступает не только средством решения конфликта, но и **средством его оценки** (квалификации).

Существует и стойкая обратная зависимость восприятия обществом опасности тех или иных преступлений в зависимости от присутствия той или иной стороны в конфликте. Если конфликт происходит между личностью и социальной группой или объединением (например, террористический акт или государственная измена), то его общественная опасность редко подвергается сомнению. В той ситуации, когда конкретный человек или конкретная группа людей непосредственно стороной конфликта не являются и конфликт происходит по большому счету между государством и преступником, многие

правонарушения воспринимаются обществом как квазипреступные. Причина такого восприятия кроется отнюдь не в непонимании человеком возможной опасности такого деяния, а в отсутствии интереса к разрешению такого конфликта.

1. Уголовные конфликты через призму правового плюрализма

1.1. Предварительные замечания

Конфликтологический дискурс дает возможность при оценке преступлений в их историческом многообразии расширить традиционное понимание уголовного права за счет использования ряда идей из концепции *правового плюрализма*. Данная концепция сформировалась в 1970-х гг. В основе идеи правового разнообразия лежит суждение о возможности сосуществования нескольких правовых систем и неоднородных правовых источников в одном территориальном обществе или этнокультурной группе (мега-группе)⁵. Речь идет не о взаимообусловленной системе федеративного или конфедеративного и локального права и не о структурах типа «одна страна — две системы», а именно о многообразии источников права, не всегда одинаково регулирующих одни и те же процессы, протекающие в одной и той же группе одновременно. Правовой плюрализм противостоит концепции правового позитивизма, по-иному — правового централизма: идее монополии государства как субъекта творчества.

Концепция правового плюрализма зародилась в период распада империй, когда с уходом колониальных властей «проснулись» или обрели новый смысл местные правовые традиции и обычаи, после чего обнаружилась привлекательность таких источников права при одновременном сохранении права, исходящего от централизованного субъекта.

В избранной нами методике исследования уголовного права правовой плюрализм позволит соотнести разные способы реакции общества на преступления (конфликты): и уголовно-правовые (исходящие от государства), и квазиправовые (исходящие от других субъектов). С помощью такой оценки мы сможем объяснить столь длительное соседство уголовного

⁵ Fuller Ch. Legal Anthropology, Legal Pluralism and Legal Thought // Anthropology Today. 1994. Vol. 10. No. 3. Pp. 9—10.

права с более древними институтами, а также определить возможность синтеза уголовного и квазиуголовного в целях разрешения конфликтов. Мы попытаемся также ответить на вопрос: если такие квазиуголовные средства существуют до настоящего времени, значит ли это, что уголовный закон не соответствует ожиданиям общества?

1.2. Древние способы разрешения уголовных конфликтов

С позиций позитивизма древнее общество не знало еще законов и не владело правовыми знаниями в современном понимании, по этой причине ранние цивилизации нередко называют доправовыми. В этом смысле наши исторические предшественники не имели ни уголовного права, ни преступлений, ни наказаний. Но это совершенно не говорит о том, что в древнем обществе не было того, что мы сейчас назовем преступлением. Письменные и археологические источники донесли до нас многочисленные примеры разных событий в древнем обществе, которые с позиции сегодняшнего времени были бы однозначно оценены как преступления. Убийства, массовые убийства и уничтожение целых поселений доказываются археологическими памятниками Европы со времен неолита⁶. То есть конфликт в древнем обществе юридически не оценивался как преступление не потому, что он не был общественно опасным, а лишь потому, что не было формального юридического закрепления данного деяния в качестве преступного. Древнее общество при

этом не оставляло такие деяния без внимания⁷ и расценивало их именно как конфликты. С позиций правового плюрализма такая реакция древнего общества на деяния, которые позже с обретением юридической формы стали называться преступлениями, есть не что иное, как древний правовой обычай, то есть тоже источник права⁸. Для удобства будем называть такие деяния протопреступлениями, или уголовными конфликтами. Древнее письменное уголовное право, очевидно основанное на еще более ранних правовых традициях, не знало наказания как такового.

В центре древнего уголовного права было не преступление, и даже не преступник, а причиненный вред. Задача древнего уголовного права (как писаного, так и бесписьменного) была в чистом виде регулятивной: определить справедливую компенсацию, которая будет взыскана с обидчика потерпевшему. П. Фридланд в связи с этим справедливо сравнивает ранние памятники письменного уголовного права с «прайс-листами», а саму логику уголовного закона с логикой действий современных страховых компаний⁹. Компенсаторный характер проявлялся и в других древних уголовно-правовых обычаях.

Сохранение до настоящего времени многих древних правовых обычаев, в особенности в ситуации противодействия применению таких обычаев со стороны права, исходящего от государства, фактически подтверждает верность и обоснованность размышлений сторонников идей правового многообразия. Рассмотрим

⁶ Медникова М. Б. Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока / Ин-т археологии РАН. М. : Club Print, 2017. С. 61.

⁷ Конечно, здесь важно оговорить, что понимание конфликтности природы тех или иных деяний зависит и от уровня социально-экономического развития общества, очевидно, что древний человек не знал уголовного преступления, но однозначно реагировал на убийства и хищения.

⁸ Считаю важным заметить, что с точки зрения традиционного позитивистского подхода правовой обычай только тогда становится «правовым», когда он санкционирован государством или сувереном (Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. В. М. Карельского и В. Д. Перевалова. М., 2001. С. 295). Дж. Зорн и Дж. Корин Кэр видят в этом иронию: чтобы признать обычай частью правовой системы, государство должно превратить его в нечто другое, то есть фактически после санкционирования обычая он перестает быть таковым (Zorn J. and Corrin Care J. «Barava tru»: judicial approaches to the pleading and proof of custom in the South Pacific // The International and Comparative Law Quarterly. 2002. Vol. 51. No. 3. P. 631). Чтобы сделать наше понимание правового обычая универсальным, мы будем понимать под правовым обычаем всякий обычай, содержательно направленный на регулирование общественных отношений, вне зависимости от того, санкционирован он государством (сувереном) или нет.

⁹ Фридланд П. От покаяния к устрашению: теория и практика высшей меры наказания во Франции раннего Нового времени // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI—XX вв.) : сборник статей / под ред. М. Г. Муравьевой. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011. С. 122.

наиболее долго живущие из таких правовых обычаев и традиций, до настоящего времени встречающиеся в социумах в разных точках нашей планеты.

1.2.1. Кровная месть является одним из наиболее полно сохранившихся древних обычаев, существующих даже в развитом в современном понимании социуме. Этот по-настоящему реликтовый способ решения уголовных по своему характеру конфликтов применяется до настоящего времени на Северном Кавказе, в Албании¹⁰, Южной Италии и на Корсике (Франция)¹¹.

Кровная месть следовала как за убийство и изнасилование, так и за некоторые формы тяжких оскорблений. При кровной мести возмездие было обращено не только на обидчика, но и на кровных родственников обидчика. Месть была обязательной формой реакции на протопреступления (обиды), фактически определяя возникновение принципа неотвратимости уголовного наказания, существующего до настоящего времени во многих юрисдикциях. Кровная месть не преследовала превентивной или охранительной цели. Этот обычай имел глубоко регулятивную природу, определяя порядок действий при совершении протопреступления, а также порядок возмещения вреда, примирения или самой мести.

Кровная месть всегда демонстрировала способность сохранять свои регуляторные функции, даже в ситуации запрета. Так, обычай кровной мести сохраняется до настоящего времени в некоторых районах Северного Кавказа, несмотря на повышенную уголовную ответственность за убийство по мотиву кровной мести (п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

1.2.2. Одним из секретов длительного существования обычая кровной мести является сопутствующая ей правовая традиция **примирения** кровников. При примирении кровников происходит ритуализированная форма условного прощения обидчика. Приведем пример из ингушской практики, описанный М. С.-Г. Албогачиевой и И. Л. Бабич:

В ноябре 2009 г. в сумерках водитель Х. сбил старика Б., шедшего вдоль трассы. Водитель оказал первую помощь пострадавшему и отвез его в больницу. Близкие родственники Х. также приехали туда и к родным старика Б.,

чтобы сообщить о случившемся. С самого первого дня в больнице дежурили родственники Х. и сам водитель. В день похорон потерпевшего снова появились старейшины с дипломатической миссией и получили следующий ответ: «Мы хороним своего человека. Никаких разговоров пока быть не может». После того, как тело покойного увезли на кладбище, в 12 часов дня снова появились старейшины-дипломаты, а многочисленная родня водителя Х. остановилась на значительном расстоянии от дома — метрах в 500—700. Старейшина рода и члены примирительной комиссии направились во двор дома, где жил погибший. Выразив сочувствие по поводу гибели старика, мулла начал спокойную речь, в которой просил о милосердии друг к другу, прощения кровника, который стал им из-за роковой случайности. «Нас, ингушей, мало, — говорил он. — Между нами много родственных связей. Мы все родственники друг другу. Мы вместе все пережили тяжелые трагедии народа. Мы нелегко жили в горах, мы теряли близких и родных в депортации, мы умели быть сильными, когда требовали обстоятельства. Быть милосердными — это и быть мусульманами в душе. Аллах прощает тех, кто прощает на земле». И дальше о том, что это была трагическая случайность, происшедшая в сумерках, когда водитель не мог ожидать, что вдоль трассы идет человек. Мулла произносил свои слова сидя. Все стояли и слушали. Затем выступил старейшина из рода Б. Он говорил чуть меньше и, выразив сожаление по поводу случившегося, заявил, что во имя Аллаха и во имя покойного они прощают смерть. Ни сыновья, ни жена умершего, ни дочери ничего не говорили, а молча стояли в гуще людей. Далее старейшина сказал, что родственникам водителя можно подойти к дому Б., а пострадавшей стороне нужно выйти им навстречу и стать вдоль дороги. Возглавляли группу родственников Б. мулла и старейшины, за ними шли старшие мужчины и далее — молодежь. Группа родных Х. дожидалась процедуры примирения. Получив знак, они, склонив головы, подошли к мужчинам из фамилии Б. и, выражая формулу соболезнования, прошли через всю группу ожидавших примирения. Затем без лишних

¹⁰ *Baka Peco E.* Blood-Feud — Internally Displacing Because of Life Security Threat // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* 2014. Vol. 5. No 4. Pp. 509—513.

¹¹ *Darovec D.* Blood feud as gift exchange : the ritual of humiliation in the customary system of conflict resolution // *Acta Histriae.* 2017. Vol. 25. No 1. Pp. 57—96.

эмоций родственники Б. вошли во двор и сели; старейшины, молодые остались стоять. Родственники Х., выждав паузу, со старшими во главе вошли во двор для выражения соболезнования всем родным. После этого мулла сказал слова благодарности. Все это происходило в то время, когда на кладбище хоронили старика. Ко времени возвращения участников похорон и продолжения обрядового процесса после погребения «кровь была прощена». На протяжении трех дней похорон родственники Х. приняли участие в расходах на трапезу»¹².

Условием прощения при этом обычно выступают обязанность содержать семью потерпевшего или иным образом способствовать восстановлению материального состояния пострадавшей семьи¹³. Примирение кровников, таким образом, удовлетворяет интересы потерпевшего в большей степени, чем механизмы, предусмотренные уголовным и уголовно-процессуальным законом. В примирении кровников мы также видим исключительно регулятивные начала.

1.2.3. Иные ритуализированные формы примирения можно встретить в Южной Америке. Так, например, индейцы камаюра группы тупи-гуарани, проживающие вдоль реки Шингу в Бразилии, не наказывают обидчика без возможности прощения под обязательство возмещения причиненного вреда. Наказание следует, только если обидчик не выполнит условие прощения¹⁴. У некоторых северо-американских индейцев использовалась церемониальная трубка для ритуального скрепления в том числе факта примирения конфликтующих сторон¹⁵. У тюркских народов Сибири и Центральной Азии использовались ритуальные чаши. Калаалиты Гренландии до недавнего времени разрешали даже крупные конфликты, например хищение каяка, с помощью специальных барабанных танцев¹⁶.

Можно обобщенно сказать, что ритуалы использовались для придания ореола одобрения со стороны высших сил, богов и духов состоявшегося примирения. Это было нужно для обеспечения обязательности достигнутой договоренности. В этом смысле ритуализированная форма древних правовых традиций служила предтечей государственного принуждения при применении санкции, составляющей существенную характеристику современного уголовного наказания.

1.2.4. Наиболее радикальным древним способом решения конфликтов являлось **изгнание**. Род, племя выступали той средой, в которой невозможно было осуществление мщения, кровной вражды, поэтому пошедший против своего рода объявлялся изгоем. В определенной мере это была не только социальная смерть, но и, по существу, обречение изгоя на неминуемую гибель. Еще в начале XX в. среди народов Кавказа практиковался обычай, по которому «убийца родственника принуждался покинуть оскорбленный его поступком аул, сделаться абреком, или по меньшей мере носить внешний знак своей отверженности, разрыва с ним всякого общения»¹⁷. У древних скандинавов удаленные из рода назывались «варгами», народная фантазия уподобляла их волкам, бродящим в одиночестве, которых каждый может безнаказанно убить¹⁸. Существовавшее в Древней Руси наказание «поток и разграбление» также являлось изгнанием. М. Б. Свердлов переводит статью 7 Пространной редакции Русской Правды («Оже станеть без вины на разбои. Будеть ли сталь на разбои безъ всякая свады, то за разбоиника люди не платять, но выдадять и всего съ женою и с дѣтми на потоць и на разграбление») следующим образом: «[Если кто] свершил убийство без всякой ссоры, то люди за убийцу не платят, но пусть выдадут его самого с женою и детьми на изгнание и на разграбление»¹⁹.

¹² Албогачиева М. С.-Г., Бабич И. Л. Кровная месть в современной Ингушетии // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 138—139.

¹³ Юшко О. Вайнахская вендетта. Кровная месть от закона до беспредела // Русский репортер. 2010. 25 февраля. С. 34—41. Об этом же: Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 171.

¹⁴ По материалам полевых наблюдений Д. Н. Сергеева в племени камаюра (ноябрь 2018 г.).

¹⁵ Lee I. Walking The Line: Pipe and Sweat Ceremonies in Prison // Nova Religio. 2006. Vol. 9. No. 3. Pp. 39—60.

¹⁶ Goldschmidt V. The Greenland Criminal Code and Its Sociological Background // Acta Sociologica. 1956. Vol. 1. No. 4. P. 219.

¹⁷ Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 179.

¹⁸ Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 181.

¹⁹ Русская Правда (Пространная редакция). Подготовка текста, перевод и комментарии М. Б. Свердлова // URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (дата обращения: 15 января 2020 г.)

С развитием государства и права изгнание постепенно утратило свое значение, сохраняясь сегодня только в обществах, живущих родоплеменным строем. Однако до сих пор изгнание в той или иной форме присутствует в обществе. Так, в профессиональной среде существует «изгнание из профессии», которое часто сопровождается ритуализованной формой и специальной процедурой. Н. Кристи обратил внимание на то, что в стихийно возникшей в Дании в 1970-х гг. самоуправляемой общине «Твинд» применяются наказания, основной формой которых является опять же изгнание²⁰.

1.3. Религиозные способы разрешения конфликтов

Ритуалы, существовавшие в древнем обществе, во многом предвосхитили отдельные формы религиозного реагирования на конфликт. Религиозные нормы дали нам очередной пример правового плюрализма, когда в одном социуме сосуществовали конкурирующие правовые и религиозные нормы.

Сочетаясь со светскими обрядами, привычками, традициями, обычаями, религиозные каноны в своей основе приоритетными признавали примирительные процедуры. Подобное было во многих сферах религиозного бытия людей, но особенно заметно — при рассмотрении семейных, жилищных, бытовых конфликтов, споров. Мы можем увидеть множество примеров тому: «Рану можно перевязать, и после ссоры возможно примирение» (Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, 27:22). И далее: «Побойтесь же Аллаха и урегулируйте разногласия между собой» (Коран, 8:1). Первоначально религиозные нормы об ответственности ничем не отличались от присущих древнему обществу норм о возмещении вреда. «Если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола и четыре овцы за овцу. Если кто застанет вора подкапывающего и ударит его, так что он умрет, то кровь не вменится ему; но если возшло над ним солнце, то вменится ему кровь. Укравший

должен заплатить; а если нечем, то пусть продадут его для уплаты за украденное им; если [он пойман будет и] украденное найдется у него в руках живым, вол ли то, или осел, или овца, пусть заплатит [за них] вдвое. Если кто потравит поле, или виноградник, пустив скот свой травить чужое поле, [смотря по плодам его пусть заплатит со своего поля; а если потравит все поле,] пусть вознаградит лучшим из поля своего и лучшим из виноградника своего» (Исход, гл. 22).

Однако в христианстве со временем сформировалось покаянное право, представлявшее собой систему норм о покаянии (прощении) за нарушения, отнесенные к церковной юрисдикции²¹. С точки зрения правового централизма покаянное право не имело государственной природы, поскольку исходило от церкви и было частью церковного права. Но специфика средневекового покаянного права обуславливалась тем, что оно регламентировало повседневную жизнь верующих, узаконивало приемлемые с точки зрения церкви нормы поведения и устанавливало церковное наказание — епитимию — за отступление от них²². В этом смысле покаянное право имело, в отличие от светского права того времени, более широкий предмет правового регулирования.

В покаянном праве компенсационная составляющая уже отсутствовала: понятие греха не связывалось с понятием вреда. В покаянном праве древнее протопреступление уступило место греху, а ответственность перед потерпевшим — ответственности перед Богом. Этим покаянное право приблизилось к современной парадигме уголовной ответственности. Таким образом, сегодняшнее уголовное право в большей степени преемственно не древним уголовно-правовым обычаям (письменным или бесписьменным), а именно покаянному праву.

Приведенное утверждение может быть проиллюстрировано и историей отечественного права. Древнерусское право было основано на концепции частной мести за совершение преступления. В период формирования светского

²⁰ Кристи Н. Пределы наказания / с вступ. ст. А. М. Яковлева, В. М. Когана. М.: Прогресс, 1985. С. 97.

²¹ Аналогичные процессы мы можем наблюдать и в шариате, когда появляются кадии, вершащие суды по религиозным нормам. Но важно оговорить, что мусульманская правовая система оказалась более гибкой, сохранив активное участие потерпевшего как в отправлении правосудия, так и в возмещении вреда. Так, в мусульманском праве сохранилось и возмещение в пользу потерпевшего, и отчасти возмездие со стороны потерпевшего.

²² Пихоя Р. Г. Церковь в Древней Руси, конец X — первая половина XIII в.: древнерусское покаянное право как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1974. С. 2.

древнерусского права значение канонических источников, проникших из Византии, государства с развитой правовой системой, было чрезвычайно важным²³. В. И. Сергеевич так описывает проникновение византийского права в древнерусское уголовное право: «Первоначально народно-русская система оказывается более сильной, и даже в церковных уставах и в применении к преступлениям, которые внесены греко-римскими постановлениями, мы встречаемся с выкупом (древнерусским наказанием. — Прим. И. К., Д. С.). Преступления взяты из греко-римских сборников, а наказания русские... Но мало-помалу новая система пролагает себе путь к полному торжеству»²⁴.

Именно покаянное право стало катализатором тотального изменения парадигмы уголовной политики, проявившегося в завершении трансформации преступления из частной обиды в публичное нарушение. Этот процесс также сопровождался еще одним очень важным явлением — фактическим исчезновением фигуры потерпевшего из системы юридической ответственности. Если в древнем праве потерпевший зачастую был и истцом, и судьей, и исполнителем, то в покаянном праве ему места не нашлось. Покаявшийся каялся не перед потерпевшим, а перед Богом в лице церкви, канонических институтов и клириков.

1.4. Монополизация государством уголовного права

Пример церковного права был быстро воспринят государством, ответственность трансформировалась в ответственность не перед Богом или церковью, а перед сюзереном. Конечно, церковные суды и институты сохранились, но их значение было ограничено вторжением государственной воли в традиционную церковную юрисдикцию. Значение церковного права сократилось до своеобразных корпоративных норм, регулирующих вопросы жизни религиозного сообщества. Со временем менялись законодательные конструкции и юридические нравы, которые способствовали замене част-

ной мести наказаниями публичного характера. Назвать данный процесс исключительно позитивным вряд ли можно, так как он неизбежно предполагал уголовную ответственность перед государством (что само по себе алогично), а не перед потерпевшим (что вполне логично). Как результат, право потерпевшего на компенсацию несправедливо долгое время игнорировалось и зачастую игнорируется в настоящее время уголовными судами.

Порочной следует, на наш взгляд, признать сложившуюся практику: человек, в отношении которого совершается преступление (потерпевший), не без доли вины государства лишается возможности получить положенную ему по закону, по совести и по логике компенсацию. Потерпевший и до сих пор не получил прописки в уголовном законодательстве (за исключением, например, ст. 76 УК РФ, закрепляющей положения, касающиеся освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим). Образно и ярко по этому поводу высказался Нильс Кристи: «*В этой ситуации больше всего проигрывает жертва. Она не только страдает, несет материальные потери или ущерб физический или какой-либо другой. И не просто Корона забирает компенсацию. Но помимо всего прочего жертва утрачивает право на участие в своем собственном деле. В центре внимания находится Корона, а не жертва. Это государство определяет потери, а не жертва. Это Корона фигурирует в газетах, и крайне редко жертва. Это Корона получает возможность говорить с правонарушителем, но ни государство, ни правонарушитель не заинтересованы в продолжении этого разговора. Обвинитель давно уже сыт по горло. А жертва никогда бы не была. Она могла бы быть напугана до смерти, быть в панике или гнев, но никогда безучастной. Это мог бы быть один из самых важных дней в ее жизни. Что-то, что принадлежит только ей, было отнято у нее*»²⁵.

Вековое владычество государственного закона, помноженное на гипертрофированное

²³ См., например: Леонтович Ф. И. История русского права. Вып. 1. Одесса : Издание Императорского Новороссийского университета, 1869. С. 105—106 (об ограничении русского обычного права византийскими источниками, особенно в области нравственно-религиозных отношений) ; Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. М. : Тип. Императорского Московского университета, 1908. С. 399 (о рецепции византийского права и возникшей вследствие этого трансформации уголовно-правовых институтов).

²⁴ Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1910. С. 402—403.

²⁵ Christie N. Conflicts as Property // The British Journal of Criminology. 1977. Vol. 17. No 1. Pp. 7—8.

его всемогущество во всех буквально сферах человеческого бытия, привело неизбежно к тому, что значение потерпевшего и примирения уменьшалось, а его место прочно занял закон, который благословили стать эталоном справедливости. Несбалансированность правового регулятивного компонента с реалиями социальной жизни привела к тому, что между законом, который в социальной сфере год от года становится малоэффективным, и сужением сферы его повседневной востребованности образовалось пространство регулятивного отчуждения и неприятия. Уголовное право постепенно утратило регулятивную роль в решении конфликтов членов общества, а само по себе стало конфликтом уже между преступником и государством. Охранительная функция в уголовном праве стала главной и подчас единственно известной.

Зайдя в тупик с законодательным регулированием, в котором практически нет места для примирения конфликтующих сторон, мы все чаще и чаще, все сильнее и сильнее обращаемся в никуда с мольбой о поисках альтернатив закону. Отрыв юриспруденции от социальных способов решения споров и конфликтов привел к слепому поиску альтернатив. Особенно ярко это можно увидеть на примерах кризисов государств. Так, в Абхазии в период отсутствия централизованной власти место права заняли возродившиеся правовые обычаи (адаты). В. О. Бобровников отмечает, что в Абхазии 1990-х гг. появились местные суды-святилища (аныха) с практикой очистительной присяги и присуждения денежных компенсаций за причиненный ущерб, ранения и убийства²⁶.

В постсоветских и постсоциалистических государствах (особенно ярко — в Венгрии²⁷, России, Украине) в 1990-х гг. участились обращения к криминальным авторитетам для решения конфликтов и для примирения враждующих сторон. М. И. Клеандров назвал это криминальными третейскими судами и определил их преимущества: быстрота, конфиденциальность и исполнимость решений²⁸.

Приведенное доказывает, что в час утраты исходящего от государства закона вмиг возвращаются, казалось бы, канувшие в Лету древние институты: частная месть, кровная месть, примирение и изгнание.

2. Баланс частного и публичного в уголовном конфликте и уголовной ответственности

Мы видим, что, несмотря на противоречивую историю уголовной ответственности, тенденция к оценке преступления сугубо как конфликта потерпевшего и преступника и, как следствие, к их примирению проявляется во все эпохи. Это свидетельствует о неестественности существующих систем, в которых минимизирована или полностью отсутствует фигура потерпевшего и механизмы примирения. Естественно, что расширение сферы примирения в уголовном праве приведет к увеличению компенсаторной составляющей уголовной ответственности. Именно этого так не хватает отечественному уголовному праву и уголовному законодательству²⁹. Нужно помнить, что примирение и закон, в том числе и уголовный, не антиподы друг по отношению к другу, они должны действовать солидарно, но каждый в своем формате. В рамках взаимодействия примирения и уголовного закона приоритет должен быть отдан примирению. Там, где имеется надежда на примирение, уголовный закон должен уступить ему дорогу.

Аболиционистские идеи должны кардинальным образом изменить идеологию уголовной ответственности, представление о ее роли и значении в системе социальных, правовых, уголовно-правовых регуляторов. Естественно, что восстановительное правосудие не может и не должно полностью заменить социальный модуль уголовной ответственности в традиционном (привычном для нас) понимании. Хотя недопустима и другая крайность: у государства не должно быть соблазна сохранять публичный характер ответственности буквально по всем уголовным делам.

²⁶ Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М. : Вост. лит., 2002. С. 285.

²⁷ Kerecsi K., Lévy M. Criminology, Crime and Criminal Justice in Hungary // European Journal of Criminology. 2008. Vol. 5. No. 2. Pp. 239—242.

²⁸ Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 199—205.

²⁹ Радостева Ю. В. Еще раз о дисбалансе уголовного закона // Общество и право. 2019. № 4. С. 19—20.

Уголовный закон находится сегодня в сложном положении. С одной стороны, он всеми силами пытается оправдать предписываемую ему роль суперимперативной отрасли права, что проявляется в свехкриминализации, появлении неочевидных преступлений, разного рода квазипреступлений. Излишний императив даже для уголовного закона вряд ли оправдан. Отсюда нередко поспешная и потому малоэффективная криминализация не способствует выстраиванию баланса интересов потерпевшего и государства.

С другой стороны, нельзя не оговорить, что медиативные модели все больше и больше занимают умы представителей науки уголовного права, но охотно рассматриваются и в законодательных сферах. Как для одного, так и для другого имеются вполне весомые аргументы. В последнее десятилетие вполне заметными стали медиативные изменения, которые стали обоснованно наполнять мировую и отечественную уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную материю.

В Уголовном кодексе России одна за другой появлялись нормы, медиативные по своей природе. Так, в дополнение к традиционному примирению с потерпевшим добавилось лечение больных наркозависимостью как своеобразная альтернатива традиционному наказанию, новые механизмы прекращения уголовного преследования за преступления в бизнес-сфере при условии возмещения вреда. В сфере исполнения наказания интересы потерпевшего стали учитываться при оценке возможности или невозможности условно-досрочного освобождения.

Медиативные процедуры в уголовном праве, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном праве могут быть вполне эффективны и понятны обществу, а потому введение медиативного потенциала в публичные и охранительные отрасли вполне оправданно. В этом деле должен быть найден разумный консенсус в системе отношений «преступник-потерпевший», при которых урегулирование конфликтов не будет пущено на самотек, но при этом не должно быть и неоправданного вмешательства государства в эти процессы.

Можно предложить две модели выстраивания такого баланса:

1. Определить преступления, которые **должны быть** урегулированы сторонами самостоятельно с участием государства как гаранта. Это не должна быть слепая выборка статей из

уголовного кодекса, например по категориям преступлений. Это должна быть выверенная система преступлений, опыт примирения в которых существует у человечества издревле. Например, любые хищения, клевета, нетяжкие случаи насилия. В этих делах потерпевшего в первую очередь интересует реальное и полное возмещение всякого причиненного вреда, а преступника — возможность исключить «уголовный сценарий».

Такому предложению можно и нужно возразить тем, что уход от ответственности не всегда будет способствовать удержанию преступника от совершения новых деяний. По этой причине целесообразно предусмотреть возможность примирения для совершивших преступления впервые. Оформить такое примирение можно особым соглашением о возмещении вреда, которое будет иметь силу исполнительного документа. Есть и другое «но». Практикующим юристам известны случаи, когда преступник, не желая возмещать вред, отказывается от примирения, понимает, что проще и удобнее «отсидеться» какое-то время в местах лишения свободы, чем платить компенсацию вреда. По этой причине примирение должно стать привлекательным для преступника, что можно сделать, например, путем исключения любых возможных уголовно-правовых последствий (в том числе обусловленных прекращением уголовного дела).

Наряду с перечнем преступлений, которые должны быть урегулированы путем примирения, логично предусмотреть те деяния, по которым **может быть** примирение — при согласии обеих сторон.

2. В силу особой привлекательности некоторых древних уголовно-правовых обычаев инкорпорировать их часть в правовую систему государства. Речь, конечно, идет не о воскрешении талиона и узаконении кровной мести. Однако в той же описанной нами выше системе примирения кровников есть очень позитивный для общества момент: защита права семьи потерпевшего на полное возмещение вреда, которое, к сожалению, до настоящего времени не может гарантировать государство.

Заключение

Многие поколения юристов формировали свое профессиональное сознание под воздействием непререкаемого официального штампа: за со-

вершенное преступление виновный должен нести уголовную ответственность не перед тем, кому причинил вред (ущерб), а перед государством, которое не в малой мере порой повинно в том, что не смогло обеспечить потерпевшему условия безопасной жизни. Мало кто до сегодняшнего дня сомневался, что приведенный постулат является единственно верным. Вместе с тем резонен вопрос, а кто делегировал государству право наказывать или не наказывать того, кто совершил преступление? И еще более сложно ответить на вопрос, кто отнял у потерпевшего от преступления право его наказывать или в необходимых случаях миловать (прощать) его?

Пример описанной выше живучести древних уголовно-правовых обычаев демонстрирует интерес общества к альтернативным способам решения уголовно-правовых конфликтов. Естественно, что такие обычаи запрещать либо даже ограничивать само по себе преступно. Отрадным следует признать стремление государств и общества к введению альтернатив традиционному уголовному, уголовно-процессу-

альному и уголовно-исполнительному, нередко жестокосердному монстру.

Говоря о проблеме примирения во всех самых разнообразных форматах и сферах его проявления, следует заметить, что успех или неудача той или иной модели примирения во многом зависит от уровня юридического правосознания общества и государства, юридической культуры и, очень важно подчеркнуть, — юридического образования. Обозначенные векторы, взаимодействуя, создают (должны создавать) солидарный курс на подготовку специалистов юридических направлений, способных оперативно разрешать самые сложные и самые важные вопросы. Только юристы высшей профессиональной пробы, отвечающие международным стандартам доктринального, законотворческого и правоприменительного характера, способны не только противостоять разрушительным вызовам времени, но и служить надежным щитом защиты каждого человека, любой общности людей, общества и государства от нравственной глухоты, правового мракобесия, морального невежества и разлагающего душу морального лицемерия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Албогачиева М. С.-Г., Бабич И. Л.* Кровная месть в современной Ингушетии // Этнографическое обозрение. — 2010. — № 6. — С. 138—139.
2. *Бобровников В. О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. — М.: Вост. лит., 2002. — 368 с.
3. *Детков А. П.* Теоретические и методологические проблемы пенитенциарной конфликтологии. — Екатеринбург: Издательство УрГЮУ, 2011. — 356 с.
4. *Клеандров М. И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 600 с.
5. *Ковалевский М. М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. — СПб.: Брокгауз — Эфрон, 1911. — 312 с.
6. *Кристи Н.* Пределы наказания / с вступ. ст. А. М. Яковлева, В. М. Когана. — М.: Прогресс, 1985. — 176 с.
7. *Кудрявцев С. В.* Конфликт и насильственное преступление. — М.: Наука, 1991. — 174 с.
8. *Леонтович Ф. И.* История русского права. Вып. 1. — Одесса: Издание Имп. Новорос. университета, 1869. — 151 с.
9. *Медникова М. Б.* Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока / Ин-т археологии РАН. — М.: Club Print, 2017. — 223 с.
10. *Пихоя Р. Г.* Церковь в Древней Руси, конец X — первая половина XIII в.: древнерусское покаянное право как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. — Свердловск, 1974. — 214 с.
11. *Радостева Ю. В.* Еще раз о дисбалансе уголовного закона // Общество и право. — 2019. — № 4. — С. 19—22.
12. *Самоковасов Д. Я.* Курс истории русского права. — М.: Тип. Имп. Мос. университета, 1908. — 616 с.
13. *Сергеевич В.* Лекции и исследования по древней истории русского права. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. — 680 с.
14. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. М. Карельского и В. Д. Первалова. — М.: Инфра-М — Норма, 2001. — 616 с.

15. Фридланд П. От покаяния к устрашению: теория и практика высшей меры наказания во Франции раннего Нового времени // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI—XX вв.) : сборник статей / под ред. М. Г. Муравьевой. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011. — С. 119—134.
16. Юшко О. Вайнахская вендетта. Кровная месть от закона до беспредела // Русский репортер. — 2010. — 25 февраля. — С. 34—41.
17. Vaka Peco E. Blood-Feud — Internally Displacing Because of Life Security Threat // Mediterranean Journal of Social Sciences. — 2014. — Vol. 5. — No 4. — Pp. 509—515.
18. Christie N. Conflicts as Property // The British Journal of Criminology. — 1977. — Vol. 17. — No 1. — Pp. 1—15.
19. Darovec D. Blood feud as gift exchange: the ritual of humiliation in the customary system of conflict resolution // Acta Histriae. — 2017. — Vol. 25. — No 1. — Pp. 57—96.
20. Fuller Ch. Legal Anthropology, Legal Pluralism and Legal Thought // Anthropology Today. — 1994. — Vol. 10. — No. 3. — Pp. 9—12.
21. Goldschmidt V. The Greenland Criminal Code and Its Sociological Background // Acta Sociologica. — 1956. — Vol. 1. — No. 4. — Pp. 217—265.
22. Kerezsi K., Lévy M. Criminology, Crime and Criminal Justice in Hungary // European Journal of Criminology. — 2008. — Vol. 5. — No. 2. — Pp. 239—260.
23. Lee I. Walking The Line: Pipe and Sweat Ceremonies in Prison // Nova Religio. — 2006. — Vol. 9. — No. 3. — Pp. 39—60.
24. Zorn J. and Corrin Care J. «Barava tru»: judicial approaches to the pleading and proof of custom in the South Pacific // The International and Comparative Law Quarterly. — 2002. — Vol. 51. — No. 3. — Pp. 611—639.

Материал поступил в редакцию 5 апреля 2020 г.

REFERENCES

1. Albogachieva MS-G , Babich IL. Krovnyaya mest v sovremennoy Ingushetii [Blood Revenge in Modern Ingushetia]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2010;6:138—139. (In Russ.)
2. Bobrovnikov VO. Musulmane Severnogo Kavkaza: obychay, pravo, nasilie. Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana [Muslims of the North Caucasus: custom, law, violence. Essays on the history and ethnography of the law of Nagorny Dagestan]. Moscow: Vost. lit. Publ.; 2002. (In Russ.)
3. Detkov AP. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy penitentsiarnoy konfliktologii [Theoretical and methodological problems of penitentiary conflict]. Yekaterinburg: Urals State Law University Press; 2011. (In Russ.)
4. Kleandrov MI. Ekonomicheskoe pravosudie v Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Economic justice in Russia: past, present, future]. Moscow: Volters Kluver; 2007. (In Russ.)
5. Kovalevsky MM. Rodovoy byt v nastoyashchem, nedavnem i otdalennom proshlom. Opyt v oblasti sravnitel'noy etnografii i istorii prava [The ancestral life in the present, recent and distant past. Experience in the field of comparative ethnography and the history of law]. St. Petersburg: Brockhaus — Efron Publ.; 1911. (In Russ.)
6. Kristi N. Predely nakazaniya [Limits of punishment]. Moscow: Progress Publ.; 1985. (In Russ.)
7. Kudryavtsev SV. Konflikt i nasilstvennoe prestuplenie [Conflict and Violent Crime]. Moscow: Nauka Publ.; 1991. (In Russ.)
8. Leontovich FI. Istoriya russkogo prava [History of Russian Law]. Issue 1. Odessa: Imp. Novorus. Univer. Publ.; 1869. (In Russ.)
9. Mednikova MB. Bioarkheologiya detstva v kontekste rannezemel'delcheskikh kultur Balkan, Kavkaza i Blizhnego Vostoka [Bioarchaeology of childhood in the context of early agricultural cultures of the Balkans, Caucasus and Middle East]. RAS Institute of Archeology. Moscow: Club Print Publ.; 2017. (In Russ.)
10. Pikhoya RG. tserkov v drevney rusi, konets X — pervaya polovina XIII v.: drevnerusskoe pokayannoe pravo kak istoricheskiy istochnik : dis. ... kand. ist. nauk [Church in Ancient Russia, end of the 10th — first half of the 13th century: Old Russian repentance as a historical source: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Sverdlovsk; 1974. (In Russ.)
11. Radosteva YuV. eshche raz o disbalanse ugolovnoy zakona [Once again on the imbalance of the criminal law]. *Society and Law*. 2019;4:19—22. (In Russ.)

12. Samokvasov DYa. Kurs istorii russkogo prava [Course of the history of Russian Law]. Moscow: Moscow University Publ.; 1908. (In Russ.)
13. Sergeevich V. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava [Lectures and researches on the ancient history of Russian law]. St. Petersburg: M. Stasyulevich's Publ.; 1910. (In Russ.)
14. Karelskiy BM, Perevalov VD, editors. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnyy dlya vuzov [Theory of the state and law: textbook for universities]. Moscow: Infra-M — Norma publ.; 2001. (In Russ.)
15. Fridland P. Ot pokayaniya k ustrasheniyu: teoriya i praktika vysshey mery nakazaniya vo frantsii rannego novogo vremeni [From repentance to fear: theory and practice of capital punishment in France of early New Time]. In: Muravyeva MG, editor. *Vina i pozor v kontekste stanovleniya sovremennykh evropeyskikh gosudarstv (XVI—XX vv.) : sbornik statey [Guilt and shame in the context of the formation of modern European states (16th-20th centuries): a collection of articles]*. St. Petersburg: European University in St. Petersburg Publ.; 2011. (In Russ.)
16. Yushko O. Vaynakhszkaya vendetta. Krovnaya mest ot zakona do bespredela Vainakh vendetta. [Vainakh vendetta. Blood revenge from the law to the lawlessness]. *Russian Reporter*. 2010. February 25. (In Russ.)
- Baka Peco E. Blood-Feud — Internally Displacing Because of Life Security Threat. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014;5(4):509—515.
18. Christie N. Conflicts as Property. *The British Journal of Criminology*. 1977;17(1):1—15.
19. Darovec D. Blood feud as gift exchange: the ritual of humiliation in the customary system of conflict resolution. *Acta Histriae*. 2017;25(1):57—96. (In Russ.)
20. Fuller Ch. Legal Anthropology, Legal Pluralism and Legal Thought. *Anthropology Today*. 1994;10(3):9—12.
21. Goldschmidt V. The Greenland Criminal Code and Its Sociological Background. *Acta Sociologica*. 1956;1(4):217—265.
22. Kerezsi K, Lévy M. Criminology, Crime and Criminal Justice in Hungary. *European Journal of Criminology*. 2008;5(2):239—260.
23. Lee I. Walking The Line: Pipe and Sweat Ceremonies in Prison. *Nova Religio*. 2006;9(3):39—60.
24. Zorn J. and Corrin Care J. «Barava tru»: judicial approaches to the pleading and proof of custom in the South Pacific. *The International and Comparative Law Quarterly*. 2002;51(3):611—639.